

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

М.И. Кротов,

Советник Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор экономических наук
mi-krotov@yandex.ru

В статье рассматривается диалектика опережающей и догоняющей модернизации экономики России в контексте особенностей современного этапа евразийской интеграции. Показаны ее проблемы, противоречия, реальные достижения и перспективы трансформации Таможенного союза в Евразийский экономический союз.

Ключевые слова: модернизация, евразийская интеграция, Таможенный союз, научно-производственная кооперация, Евразийский экономический союз.

ББК У30(2Р)+У9(2)-18(2Р)

Модернизация экономики и всей общественной жизни, переход к новому технологическому укладу — главная историческая задача всей мировой цивилизации в условиях глобализации. Однако для России, Белоруссии и Казахстана эта задача имеет особую актуальность, и не только потому, что стартовые условия модернизации в странах Таможенного союза намного хуже, чем у государств Европейского Союза, США, Японии и Китая. Модернизация России, Белоруссии и Казахстана — обязательное условие успеха евразийской интеграции, превращения евразийского союза в конкурентоспособное геополитическое образование.

О диалектике опережающей и догоняющей модернизации

В ходе модернизации необходимо исправлять ошибки революционных реформ прошлого и не повторять их в будущем. Критерием эффективности преобразований может быть только их результат — устойчивое повышение качества жизни, а это достигается на основе ускорения научно-технического прогресса. К сожалению, радикальные реформы 90-х годов привели не просто к отставанию, а даже к исчезновению целого ряда отраслей науки и промышленности. Поэтому, фактически, перед Россией и странами СНГ стоит задача новой индустриализации, а не только модернизации, т.е. совершенствования того, что уже есть.

Научно-технический прогресс зависит от научного потенциала и эффективности его использования, прежде всего от концентрации на перспективных направлениях, конкурентоспособных сферах научно-технической деятельности, позволяющих в ближайшем будущем разрешить наиболее острые проблемы развития национальной экономики. В декабрьском (2012 года) послании Президента Российской Федерации В.В. Путина ставится задача на новой технологической основе «укрепить позиции в космосе, ядерной энергетике, возродить базовые отрасли: авиа-, судостроение», завершить воссоздание национальной электронной промышленности, подготовить «дорожные карты» развития новых отраслей, таких как — «композиты и редкоземельные металлы, биотехнологии и геновая инженерия, IT-технологии, новое градостроительство, инжиниринг и промышленный дизайн»¹. В отличие от фундаментальной науки концентрация научных исследований и разработок на этих направлениях обеспечит прирост ВВП в своей стране (России), а не у наиболее развитых членов мирового сообщества, способных быстрее всего использовать научные открытия. Однако в государствах Содружества, где доля исследований и разработок в ВВП и так в 2–3 раза меньше, чем в развитых странах², по-прежнему велика доля (39%)³ затрат на общенаучные исследования, а не разработки, дающие коммерческий эффект.

Критически важные технологии образуют в совокупности технологический уклад экономики. Как показали исследования долгосрочного экономического развития⁴, в ближайшие два-три десятилетия будет сформирована воспроизводственная система нового, шестого технологического уклада, который и определит глобальное экономическое развитие. Переход от пятого, информационного, технологического уклада, господствующего ныне в развитых странах (его ключевым фактором являются микроэлектроника и программное обеспечение), к новому укладу, ключевым фактором которого становятся информационно-коммуникационные технологии, нано- и биотехнологии, означает принципиальное изменение в структуре факторов экономического роста, общественных институтов, отраслевой структуре и самой организации экономики.

В экономике России и государств СНГ преобладают не пятый (информационный), а третий и четвертый уклады, основанные на устаревших механических технологиях⁵. Это порождает не только проблемы, но и принципиально новые перспективы. Сейчас на базе доходов от топливно-энергетического комплекса, социальной консервативной модернизационной политики и евразийской экономической интеграции появилась возможность не повторять уже пройденный наиболее развитыми странами путь, а перейти к постиндустриальной экономике знаний на основе формирования современного интегрированного научно-образовательного комплекса, реализации совместных инновационно-инвестиционных проектов.

Опыт Франции и Японии свидетельствует о том, что инновационное развитие должно как «насаждаться» государством «сверху», так и воспроизводиться «снизу» на основе конкуренции. В этом плане в России созданы и крупные компании — госкорпорации, которые должны выступать движущей силой модернизации, и инновационный центр «Сколково», который должен объединить свободных инвесторов.

Иную точку зрения, ссылаясь на опыт США, отстаивает польский экономист и политик Л. Бальцеревич, считающий, что «капитализм и ограниченное государство — вот главные стимулы для инновации»⁶. Однако инновационная деятельность в США и странах СНГ находится в совершенно разных условиях. Например, до 50% потребностей ведущих университетов США обеспечивают эндаунт-фонды, представляющие собой целевой капитал университетов, сформированный за счет денежных пожертвований (а это — десятки и сотни миллионов долларов) и переданный в доверительное управление управляющей компании для получения дохода, идущего на финансирование университетов. В России даже Московский и Санкт-Петербургский университеты таких источников содействия со стороны государства не выдержат конкуренции с западными вузами.

В работах академика С.Ю.Глазьева, в частности в книге «Стратегия опережающего развития в России», раскрывается диалектика догоняющей и опережающей модернизации. По мнению автора, догоняющая модернизация, основанная на копировании западных технологий, обрекает государство на технологическое отставание. В этом плане, на взгляд С.Ю.Глазьева, проект «Сколково», как и конструкторский центр «Боинг» в Москве, будет привлекать лучшие российские умы для работы на иностранных заказчиков, да еще за счет российского бюджета. Опережающую модернизацию можно обеспечить только на основе удовлетворения собственных потребностей развития российской экономики, а в этом случае, как считает С.Ю. Глазьев, логичнее было бы развернуть инновационные центры типа «Сколково» на базе уже действующих наукоградов: в Пущино, Черногоровке, Зеленограде⁷.

На наш взгляд, в условиях, когда десятки тысяч исследователей, не найдя на родине приложения своим силам, уезжают в США и Западную Европу (в 2009 г. Россию покинуло 6,1 тыс. ученых и научных специалистов⁸), любые формы закрепления кадров исследователей в России надо приветствовать. Тем более что мировой капитал перетекает в страны с лучшими условиями бизнеса. В Китае и Юго-Восточной Азии нет государственного пенсионного и медицинского обеспечения, самая дешевая рабочая сила, поэтому производство изделий многих всемирно известных марок перенесено в данный регион.

В России самые дешевые и образованные исследователи, поэтому здесь могут успешно развиваться научно-технические работы ведущих мировых корпораций. При этом, конечно же, важно в первую очередь повышать конкурентоспособность отечественной экономики, стимулируя, как справедливо отмечает С.Ю. Глазьев, развитие наукоградов, ориентированных на собственные нужды России и других государств СНГ за счет бюджетов наших стран. Однако, внутренние затраты на исследования и разработки в России в 2011 г. составили 610,4 млрд руб., т.е. примерно 20 млрд долл., а в США эти затраты — более 400 млрд долл.⁹ Поэтому России придется сочетать опережающую и догоняющую модернизацию, привлекая в страну средства транснациональных корпораций на проведение научных исследований и разработок в их интересах. Вместе с тем, условия для отечественных и иностранных заказчиков НИОКР, статус действующих наукоградов и инновационных центров типа «Сколково», конечно, должны быть как минимум равны. В этом — одна из причин того, что закон об инновационном центре «Сколково» был отправлен 12 декабря 2012 года Президентом Российской Федерации на доработку.

Россия пока опережает другие государства мира по числу ученых в области естественных и технических наук. Однако эти ученые работают в основном не на Россию, а на другие государства, которые заимствуют и широко внедряют в свою экономику их идеи. Таким образом, наша страна экспортирует в глобальных масштабах не только сырье, но и интеллектуальные ценности, а ввозит дорогостоящую технику и потребительские товары. В самой же России внедряется лишь около 2% изобретений, тогда как в развитых странах — 30%.

Как решать эту коренную для России и других стран СНГ проблему? Некоторые ученые полагают, что все дело в финансировании, и государство увеличивает расходы на науку. Но это не решит проблему. Доля исследователей, занятых в государственном секторе в России, составляет 34%, а в Великобритании и Японии — 3% и 5% соответственно¹⁰. Главное сегодня — коммерциализация разработок, возврат вложенных средств, создание устойчивого спроса на нововведения со стороны предприятий, в основе которых должны лежать институциональные преобразования. Их суть — в переходе к структурным преобразованиям, рассчитанным на значительное улучшение условий для бизнеса и повышение качества жизни народа. Как отмечается в послании Президента Российской Федерации — «В центре новой модели роста экономики должны быть экономическая свобода, частная собственность и конкуренция, современная рыночная экономика, а не государственный капитализм». Задача государства, используя опыт передовых стран, через финансовое, налоговое, корпоративное законодательство — стимулировать частные инвестиции в отечественную экономику. Здесь пока немало проблем. Например, в США налог на личные доходы предпринимателей составляет 35%, а на капитализируемую прибыль — всего 15%¹¹. В России же все наоборот: налог на прибыль — 20%, а на личные доходы — 13% или 8%, если доход получен от операций с ценными бумагами. Низкий по сравнению с налогом на прибыли корпораций подоходный налог и уравнительный порядок отчислений в социальные фонды стимулируют увеличение доли капитала, выплачиваемого в виде дивидендов и сверхвысоких бонусов членам советов директоров и правлений компаний, а не капитализацию прибыли. В этом — одна из причин падения спроса на отечественную валюту и значительного вывоза капитала за границу.

Для перехода к новому технологическому укладу, обеспечения приоритета опережающего типа модернизации по отношению к догоняющему нужны долгосрочные и дешевые кредиты. Их основным источником, как показывает опыт прошедшего 20-летия, не может быть иностранный капитал. Отечественный же капитал без финансовой поддержки государства и при действующем исключительно фискальном характере налогообложения не может и не заинтересован в развитии наукоемких отраслей. Поэтому необходимо, как и обосновывают ведущие российские экономисты, перейти «к принципиально иной политике денежного предложения, обеспеченной не покупкой иностранной валюты Центральным Банком, а внутренним спросом на деньги со стороны реального сектора экономики и государства, а также национальными сбережениями, как это делается в развитых и успешно развивающихся странах»¹². Важную роль здесь может сыграть придание рублю статуса региональной резервной валюты в рамках процессов евразийской интеграции¹³.

В условиях перехода к инновационной, постиндустриальной и информационной экономике изменяется база международной

экономической интеграции. Этой базой становится уже не традиционная внешняя торговля, а научно-производственная кооперация: совместная разработка, производство и сбыт наукоемкой конечной продукции, позволяющей создать технологические цепочки производства добавленной стоимости, занять устойчивое место на глобальном рынке высоко- и среднетехнологичных товаров и услуг. В результате должно существенно уменьшиться значение топливно-энергетического комплекса в экономике России и Казахстана, объективно мало заинтересованного в экономической интеграции. В свою очередь Таможенный союз, Единое экономическое пространство, а в будущем и Евразийский экономический союз будут стимулировать их участников к переходу к новому технологическому укладу, способствовать приоритету опережающего типа модернизации.

Особенности современного этапа евразийской экономической интеграции

Сегодня общепризнано, что обязательным элементом глобализации является регионализация. Ни одна страна мира не может успешно интегрироваться в мировую экономику напрямую, не вступая в региональные экономические союзы. В преддверии новой волны глобального экономического кризиса необходимость в интеграции существенно усиливается, потому что сегодня в мире на первый план выходит не межстрановая, а именно межрегиональная конкуренция, субъектами которой выступают НАФТА, Европейский союз, АСЕАН, МЕРКОСУР.

Перед странами СНГ тоже стоит выбор: или создать собственный — Евразийский союз, или стремиться в союзы с Западной Европой, Китаем или Турцией. Это относится ко всем государствам Содружества, в том числе и к России. При всем геополитическом значении сотрудничества стран БРИКС, они не могут создать экономический союз, поскольку не имеют общих территориальных границ.

Россия, Белоруссия и Казахстан, в соответствии с общепринятой мировой практикой, создали Таможенный союз, формируют Единое экономическое пространство и с 2015 года планируют создать Евразийский экономический союз. При этом двери последнего открыты для всех желающих и готовых к интеграции стран.

Преимущества евразийской интеграции справедливо связывают с количественными факторами: расширением границ Единого экономического пространства, увеличением трудовых, производственных и природных ресурсов в рамках формируемого Евразийского союза. Но не менее важны и качественные факторы — свободная конкуренция субъектов хозяйствования и работников трех государств, поставленных в равные условия; сохранение и восстановление исторически сложившихся и пока разделенных границами научно-производственных комплексов; оптимизация взаимодействия добывающих ресурсы и обеспечивающих их транзит стран. Таможенный союз и Единое экономическое пространство выступают важнейшим фактором оздоровления бизнес климата, демонополизации рынка и искоренения коррупции в наших государствах.

Евразийская интеграция получает широкую общественную поддержку и не только в государствах Таможенного союза, но и в других странах СНГ. Почему же этот закономерный процесс вызывает ожесточенное сопротивление со стороны государственных деятелей США и Западной Европы? Почему они позволяют себе открыто вмешиваться во внутренние дела других суверенных государств? Ведь у себя дома они активно участвуют в региональной интеграции? Очевидно, что Западные государства не хотят иметь еще одного сильного конкурентоспособного геополитического игрока на мировом рынке. Они, например, боятся появления новой региональной резервной валюты, которая может быть противовесом монополии доллара и евро. Тем более что Евразийский союз, в отличие от Европейского союза, имеет мощную природно-сырьевую базу, вследствие чего менее подвержен дисбалансу между реальной и виртуальной экономикой, характерной для развитых стран.

Один из аргументов внешних противников евразийской интеграции — это противопоставление ее европейскому выбору. Украине, например, постоянно заявляют: или Таможенный союз с Россией, или Ассоциация и свободная торговля с Европейским союзом. При этом расчеты показывают, что экономика Украины от такой Ассоциации ничего не выиграет. Более того, опыт Киргизии, Грузии, Молдовы, которые первыми в СНГ пошли на серьезную либерализацию внешней торговли, показывает, что у них, с одной стороны, существенно уменьшилась доля иностранных инвестиций

(если есть возможность беспощадно ввозить товары, никто не будет ввозить в страну капитал), а с другой — они потеряли рынки России, Казахстана, Белоруссии, не компенсировав потери расширением торговли с другими странами.

В рамках же Единого экономического пространства с Россией, Белоруссией и Казахстаном, Украина могла бы на более выгодных условиях участвовать в будущем в общеевропейской Зоне свободной торговли от Лиссабона до Владивостока. Кстати, Соглашение о Едином экономическом пространстве Белоруссии, Казахстана, России и Украины, подписанное в 2003 году, было ратифицировано Верховной Радой в 2004 году. И Украина из этого Соглашения до сих пор официально не вышла, и никто не оспорил его законность в Конституционном суде Украины. Поэтому, когда противники евразийской интеграции говорят, что Верховная Рада законодательно закрепила приоритет западноевропейского варианта интеграции, они умышленно забывают об указанном Соглашении.

Пока же в Украине нарастают кризисные явления: объем ВВП за 9 месяцев 2012 года снизился на 1,2%, объем промышленного производства — на 3,5%, в условиях дефицитного бюджета, его неисполнение по доходам составляет более 24 млрд гривен¹⁴. В следующем году, в связи с завершением переходного периода, в соответствии с Соглашением о вступлении в ВТО, серьезно пострадают агропромышленный комплекс, автомобильное и сельскохозяйственное машиностроение. Предложение же о пересмотре условий вступления в ВТО по 350-ти позициям Западными партнерами Украины было отвергнуто. Вместе с тем в рамках Таможенного союза Украина могла бы получить не только равнодоходные с Россией, Белоруссией и Казахстаном цены на энергоресурсы, но и добиться пересмотра наиболее чувствительных обязательств в рамках ВТО за счет корректировки участниками евразийской интеграции таможенных тарифов по другим позициям.

Подписание Соглашения об Ассоциации Украины с Европейским союзом еще более ухудшит ее экономическую ситуацию. Вырастет дефицит внешней торговли Украины с Европейским союзом из-за низкой конкурентоспособности ее товаров и одновременно уменьшится экспорт в страны Таможенного союза — главного торгового партнера Украины. Последнее будет вызвано не только усилением контроля со стороны Таможенного союза за происхождением ввозимых украинских товаров, но и изменением требований к их качеству. Украине в рамках Соглашения об Ассоциации с Европейским союзом придется соблюдать принятые в нем санитарные, фитосанитарные, ветеринарные правила и технические регламенты, отличные от аналогичных правил и регламентов Таможенного союза. В результате придется существенно девальвировать гривну. Поэтому, если бы не внешнеполитическое давление, зависимость от западных кредиторов, Украина давно вступила бы в Таможенный союз, усилив евразийскую интеграцию и ускорив общеевропейскую интеграцию в целом.

В выступлениях Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкина неоднократно обосновывалась необходимость преодоления двух крайностей в трактовке диалектики европейского и евразийского. Это, с одной стороны, — попытка трактовать европейский выбор как антиевразийский и, с другой стороны, — противопоставлять евразийский выбор европейскому¹⁵. На наш взгляд, развитие партнерства стран СНГ с Европейским союзом тормозится как зарубежными, так и отечественными политиками и учеными, сфокусированными лишь на отличиях Запада и Евразии и вследствие этого противопоставляющих их.

Вместе с тем важно, подчеркивая общеевропейские основы Евразийского экономического союза, не забывать и о его специфике, механически не копировать Европейский союз. Однако на практике в ходе евразийской экономической интеграции об этом иногда забывают. Так Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России основан на общем таможенном тарифе только на импортируемые товары. Для государств Европейского союза, экспортирующих продукцию обрабатывающей промышленности, такого согласования было вполне достаточно. Другое дело — единое экономическое пространство наших стран, экспортирующих топливно-энергетические и сырьевые ресурсы. Здесь важно согласовать не только ввозные, но и вывозные пошлины. В противном случае, экспортные пошлины на вывоз нефти и нефтепродуктов, металлов и т.д., будут в странах нашего Таможенного союза различаться в несколько раз, как это и имеет место сейчас. Между тем, эти экспортные пошлины решают не только фискальные задачи по пополнению бюджетов, но и стимулируют глубокую переработку нефти, газа, других сырьевых ресурсов в странах Таможенного союза.

Также неправильно слепо копировать и западноевропейскую модель рыночного фундаментализма. Экономический кризис, порожденный этой моделью, не преодолен. Евразийскую экономическую идею должен отличать новый социально-консервативный подход, оптимально сочетающий умеренно-либеральную и умеренно-патерналистскую политику, монетарные, кейнсианские, социалистические и институциональные инструменты управления. При этом мерой такого сочетания выступает уровень качества жизни населения Евразии в целом¹⁶.

Евразийская специфика должна учитываться и при формировании институтов Евразийского экономического союза: Высшего евразийского экономического совета, Евразийского парламента и Суда. Так некоторые парламентарии, ссылаясь на опыт Европарламента, который с 1979 года формировался путем прямых демократических выборов задолго до создания Европейского союза (Маастрихтских, Лиссабонских соглашений) предложили уже сегодня проводить выборы в Евразийский парламент. Мне представляется более обоснованной и реальной позиция по этому вопросу президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева и Председателя Государственной Думы России С.Е. Нарышкина¹⁷, которые в качестве будущего парламентского органа Евразийского союза на данном этапе его развития видят Евразийскую ассамблею.

Вместе с тем, заслуживает более тщательного изучения опыт Европейского союза, правовая оболочка которого, включая исполнительные, законодательные, судебные институты, была закреплена в 1992 году в Маастрихтском договоре, а затем постепенно наполнялась экономическим содержанием. На евразийском пространстве процесс реорганизации ЕврАзЭС, предполагающий формирование судебных и парламентских органов Таможенного союза и Единого экономического пространства, пока не завершен. И это уже негативно сказывается на внешних и внутренних аспектах евразийской интеграции. Евразийская экономическая комиссия оказалась органом без организации (это орган уже не ЕврАзЭС, но еще и не Евразийского союза). В результате она не может заключить взаимовыгодные соглашения с Европейской экономической комиссией, так как такие соглашения между исполнительными органами международных организаций могут подписываться в рамках договоров о сотрудничестве организаций в целом. А ведь Европейский союз — это главный торговый партнер Таможенного союза.

Отсутствие парламентского органа Таможенного союза и Единого экономического пространства уже негативно сказывается на выполнении соглашений в рамках ЕЭП и приведении в соответствие с ними национального законодательства. Например, согласно Статье 30-й Соглашения о единых принципах и правилах конкуренции наши три государства до 1 января 2013 года должны были привести свое законодательство в соответствие с принципами и правилами конкуренции, установленными указанным Соглашением, а также разработать и принять модельный закон о конкуренции.

Такая работа ведется, но с отставанием сроков и пока не затрагивает смежное право. Например, в Российской Федерации необходимо вносить изменения не только в закон «О защите конкуренции», но и в Арбитражно-процессуальный кодекс, другие правовые акты. Аналогичную работу должны провести и законодатели Белоруссии и Казахстана. Без унификации законодательства о конкуренции Статья 16-я указанного Соглашения, посвященная обжалованию решений, принятых Комиссией Таможенного союза, а ныне — Евразийской экономической комиссией, не будет действовать, как это и зафиксировано в тексте Соглашения. Тем самым хозяйствующим субъектам пока сложно оспорить акты действия или бездействия Евразийской экономической комиссии в Суде по спорам в рамках Таможенного союза.

Разрешению отмеченных проблем способствовало бы разграничение сферы деятельности формируемого Евразийского экономического союза «тройки» и ЕврАзЭС, нацелившее последнюю организацию на решение социально-гуманитарных, пограничных, а также общеэкономических вопросов пяти государств. Безусловно, все это — проблемы роста, которые автоматически будут решены после подписания к 2015 году Договора о Евразийском экономическом союзе.

Важно, что в рамках Таможенного союза ликвидированы таможенный, транспортный (автомобильный) и другие формы контроля на внутренних границах. При этом возникла конкуренция между таможенными службами трех стран за возможность растаможивания иностранных грузов, что существенно упростило и ускорило таможенные процедуры в Белоруссии, Казахстане и России. В результате успешно развивается их внешняя торговля

при опережающих темпах взаимной торговли. И хотя пока доля машин и оборудования в товарообороте трех стран составляла в 2012 году лишь 20%, она была в 10 раз больше, чем доля машин и оборудования в товарообороте членов Таможенного союза с другими странами мира — 2%.

Таким образом, перспектива Евразийского союза определяется, в первую очередь, — не внешним противодействием, а — внутренними причинами: эффективностью экономической интеграции Белоруссии, Казахстана и России, ее инновационной направленностью и привлекательностью для других стран.

Неравномерность научно-технического, экономического и политического развития государств подтверждена историей человечества. И евразийская экономическая интеграция не только способствует экономическому росту ее участников, но и может смягчить кризисные явления у наших западных партнеров. Поэтому в общемировых, а тем более — в общеевропейских интересах — не тормозить, а содействовать формированию и развитию Евразийского экономического союза, как региональному межгосударственному объединению, базирующемуся на новом технологическом укладе.

¹ См. Официальный сайт Президента России, 12 декабря 2012 года, Послание Президента Федеральному Собранию, <http://президент.рф/>

² «Статистика СНГ» (Статистический бюллетень №10 2012 год) — с. 89

³ См. там же, с.77

⁴ Глазьев С. Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. М., 2008.

⁵ Развернутый анализ характеристики технологических укладов и их институциональных структур дан С.Ю. Глазьевым, О.С. Сабденом и др. в книге «Интеллектуальная экономика — технологические вызовы XXI века» под ред. О. С. Сабдена и Е. А. Наумова (Алматы, 2009).

⁶ Бальцеревич Л. Свобода государства — это самая опасная свобода // Свободная мысль. — 2010. — № 9. — С. 25.

⁷ См.: Глазьев С. Ю. Не догонять, а обгонять // Завтра. — 2010. — № 46.

⁸ Качество жизни: законодательные аспекты модернизации. Аналитический доклад (VI Байкальский международный экономический форум). — М., 2010. — С. 19.

⁹ Статистика СНГ. Статистический бюллетень. — 2012. — № 10. — С.74.

¹⁰ Статистика СНГ. Статистический бюллетень. — 2012. — № 10 — С.85–86.

¹¹ Кругман П. Кредо либерала. — М., 2009. — С. 279.

¹² Журнал «Профиль» № 796 от 14 января 2013г.

¹³ См. там же.

¹⁴ Социально-экономическое положение стран Содружества независимых государств в январе-сентябре 2012 года (по данным национальных статистических служб), доклад. — М.: Статкомитет СНГ, 2012. — с. 6, 8.

¹⁵ См.: Нарышкин С.Е. Выступление Председателя Государственной Думы С.Е. Нарышкина в Евразийском университете им. Л.Н.Гумилева «Евразийская интеграция: итоги, проблемы и перспективы» (25 апреля 2012 года); http://www.duma.gov.ru/news/274/149611/?sphrase_id=646035

¹⁶ См.: М.И.Кротов, Консерватизм и экономическая политика // Свободная мысль. — 2012. — № 8/10.

¹⁷ См.: Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. — 25.10.2011 г.; Нарышкин С.Е. Евразийская интеграция: парламентский вектор // Известия. — 4.10.2012 г.